

Виктор Вургафтик

Рассуждения о себе и космосе

Сентябрь 1973

1. Есть психическое и есть физическое. Параллельны ли они, как предположили в прошлом веке, действительно ли они не пересекаются?

Вот моё тело. К чему оно относится – к физическому или психическому? Я могу чувствовать его и внутренними чувствами и внешними, оно и непосредственно мне и не непосредственно.

Вот пища, которую я ем, одежда, которая на мне, карандаш, которым я пишу. Разве они в каком-то смысле не продолжения моего тела? Могу ли я безоговорочно отнести их к физическому?

Мне кажется, физический мир имеет нечто общее с психическим, т.е. что они не параллельны. Они переходят друг в друга там, где моё тело, моя пища, моя одежда, мои орудия. Я буду исходить также из единства как того, так и другого, называя психическое единство «я», а физическое – «космос». Таким образом, существует целое, которое я назову Миром, нечётко и условно разделяемое на космос и я.

2. Нечёткая граница между ними к тому же подвижна: я, то отношу к себе и всё, чем владею, то отчуждаю от себя даже некоторые свои представления. Иногда я объёмлю весь Мир, а иногда не имею ничего.

Расширение я есть деятельность воли, а сжатие – деятельность мысли. Чтобы присвоить себе дерево, я должен его захватить и охранять. Если же первоначально оно было дано мне непосредственно, т.е. я не выделял его из себя, то мысль о нём сразу же противопоставляет его мне; подумав о нём, я теряю его. Но сокращение я рождает во мне представление дерева, теперь мне непосредственно дано не дерево, а его представление. Если же я подумаю об этом последнем, у меня и его не станет, а вместо него возникнет представление представления.

Таким образом, волевое усилие исключает мысль, а мысль исключает волевое усилие. Их совмещение в разумной волевой деятельности только кажущееся: в действительности они не совмещаются в ней, а чередуются.

Подумав о чём-то, я утрачиваю его как непосредственно моё и теперь стремлюсь получить его обратно. Но я не могу сделать этого иначе, чем присвоив его, завладев им, – иначе, чем посредством волевого усилия. Теперь я обдумываю, т.е. отчуждаю, другое, завладеваю им и т.д. Строительство Вавилонской башни состоит в таком мыслительном отчуждении и волевом захвате всего.

3. В этом существо научно-технического прогресса. Я стремлюсь утратить всё как моё исконное, чтобы всё завоевать. Я хочу обладать Миром не потому, что он мне от начала дан, а благодаря своей воле.

Но нечто уже утраченное мною может быть мне возвращено вдохновением. При этом моя воля бездействует, я получаю дерево, человека, море совершенно независимо от неё. Моя мысль может затем вновь лишиться меня этого и чередоваться в дальнейшем с вдохновением. И всякий раз она оставляет во мне представление, которое я запечатлеваю посредством красок, звуков или слов. В результате я создаю произведение искусства.

Но вот моя мысль исторгает из меня нечто, и я не стремлюсь вернуть его себе – завладеть им посредством воли. Я не экспериментирую над ним, не подчиняю его себе с помощью техники, я хочу только запечатлеть словами то представление, которое моя мысль дала мне взамен. Тогда я философ. Но занятия философией не опустошают меня, так как вместо отчуждаемых вещей я получаю их представления.

4. Какая разница между волей и вдохновением? Оба дают мне некоторую опосредствованную вещь, т.е. принадлежащую не мне, а космосу, и оба стирают во мне её представление. Однако вдохновение даёт мне её всю целиком, а воля – лишь её внешнюю, обращённую ко мне сторону, которую вместе с Кантом можно назвать явлением – в противоположность вещи в себе. Я хочу сказать, что, расширяя меня, воля оставляет внутреннюю сторону вещи за пределами я, в космосе, подобно тому как мысль оставляет мне внешнюю сторону вещи, представление, а внутреннюю исторгает вовне. Если я присвоил себе дерево или синтезировал новый лекарственный препарат, я оказался обладателем лишь полезной для меня стороны того и другого, но он имеет, конечно, и другую, скрытую сторону, которая ускользнула от моей власти. В дальнейшем я могу направить мои усилия на неё, но в лучшем случае снова завладеваю лишь некоторым явлением – вещь в себе останется вне меня.

Итак, если вдохновение даёт мне вещь целиком, то воля – только её явление, вещь в себе остаётся в космосе. Именно поэтому Вавилонская башня никогда не достанет до неба, никогда не может быть завершена.

Возникает вопрос, не бывает ли такого сжатия я, которое так же относится к мысли, как вдохновение к воле, иными словами, такого, при котором я утрачивал бы вещь целиком, не оставляя себе даже представления. Я не вижу разницы между этим последним и явлением, так же как между утрачиваемым мною посредством мысли и вещью в себе.

Я считаю, что такое сжатие существует, и назову его отмиранием, желая этим подчеркнуть, что происходит не замещение некоторой части я её явлением, а отпадение её без всякого остатка. Если нечто отмирает во мне, мне нет уже до него никакого дела. Но это не значит, что в дальнейшем воля и мысль не могут предоставить мне такое же явление.

5. Первоначально я простирался на весь Мир, совпадал с Миром. Но я не думал об этом, не знал, что я – Мир, – имел его непосредственно. Тогда не было явлений и вещей в себе.

Первая же моя мысль исключила из меня некоторую вещь в себе, оставив мне явление, которое я называю обыкновенно мыслью об этом исключённом. Она разделила меня, выделила из меня космос. Но до тех пор, пока я не подумал о самом оставшемся у меня явлении, оно было дано мне непосредственно, так что одно непосредственное просто заместилось другим. Если первоначально я не знал, что имел дерево, то теперь не знаю, что имею представление о нём. Но утрата дерева в себе сделала возможной волю, я стал желать вернуть его целиком, хотя воля может дать мне только его явление. Если я получил это последнее, оно заместило во мне прежнее представление дерева – непосредственное из созерцательного стало деятельным: я теперь не представляю дерево, а так или иначе использую его, но, как прежде не думал о представлении, так же теперь не думаю об использовании.

Таким образом, деятельность мысли и воли, мыслительное сжатие я и его волевое расширение, ни на миг не изменили в нём количество непосредственно данного, они только заменяли одно непосредственное другим. Вместо дерева я получил представление дерева, а вместо него – полезное явление дерева. Если же я не стремился к пользе, а обратил внимание на само представление, то представление в себе я исторг в космос, а представление представления оставил у себя, и оно теперь дано мне непосредственно. Наоборот, после того, как я стал использовать дерево для себя, я мог сделать его объектом более глубокого эксперимента, т.е. превратиться из простого садовода в естествоиспытателя. В этом случае совершилось бы дальнейшее волевое расширение я, ставящее на место непосредственного использования непосредственное экспериментирование. Лишь последующее научное осмысление сделало бы его опосредствованным – предметом мысли.

Но если с начала разделения количество непосредственного мне и не изменилось, лишь одно уступило место другому, однако для меня появилась возможность расширения воли, а возможность воли вместе с явлением есть желание.

6. Итак, космос состоит из вещей в себе, а я – из непосредственных мне. Но я ничего не знаю ни о тех, ни о других: о первых потому, что это вещи в себе, о вторых же – так как они мне непосредственны. Я могу иметь знание о чём-либо лишь в тот момент, когда отчуждаю его от себя в космос, т.е. тогда, когда оно и моё и не моё. Как моё оно мне доступно, а как не моё – не непосредственно; я могу уже о нём думать, но ещё не потерял его. Следовательно, знание о чём-либо всегда есть мыслительный акт – акт сжатия я. Ни до, ни после него я ничего не знаю.

В начале я писал, что граница между мною и космосом нечётка, ибо есть вещи, которые я не могу с уверенностью отнести к тому или другому. Теперь выяснилось, что в каждый момент они чётко делятся на непосредственные и

вещи в себе, причём первые относятся ко мне, а вторые к космосу. В каждый момент кроме актов мысли, в которые та или иная вещь принадлежит и мне, и космосу. Поэтому, точнее, не нечёткая граница, состоящая из общих вещей, соединяет оба мира, а акты мысли, акты истинного знания, те вещи, которые суть и знание и его объект. Подобным же образом меня соединяют с космосом акты вдохновения.

7. Есть ли разница между непосредственной данностью целой вещи и такой же данностью одного только явления, которому я сопоставляю в космосе вещь в себе? Я говорю, что второй случай отличается от первого желанием. Я мог бы также сказать, что во втором случае, в отличие от первого, я отношу непосредственно данное к иному. Если я имею дерево по вдохновению, т.е. целиком, у меня нет желания каким бы то ни было образом им распоряжаться, и я ни к чему не отношу его. Если же я имею представление дерева, то отношу его к тому, что называю самым деревом, и так или иначе желаю получить последнее посредством воли. Так же обстоит дело и тогда, когда я подвергаю его экспериментальному исследованию: я именно полагаю, что исследую дерево, что данные опыта относятся к нему; и на этом опыте я убеждаюсь, что не в силах распоряжаться им по своему усмотрению, и желаю получить полную власть.

Но как желание, так и отнесение к иному сами нуждаются в обосновании. Было бы неверным искать его в различии вещей, например, полагать, что эти два состояния присущи лишь непосредственной данности представления или эксперимента и чужды данности физического тела. За представлениями чистой математики или сказки я не усматриваю ничего иного и ничего не желаю себе подчинять. Так же, согласно Маху, может быть и в области экспериментов: опытным данным я могу не приписывать никакой физической реальности. С другой стороны, я обычно считаю, что за пользой от дерева стоит само дерево, и желаю подчинить его себе целиком.

Я думаю, что объяснение желания и отнесения к иному следует искать в обладании только явлением, когда вещь в себе остаётся вне меня. О явлении мало сказать «нет, не существует», но много сказать «есть, существует», – я пользуюсь выражением Я.С. Друскина. Это не абсолютное ничто, не $\text{o}\ddot{\text{u}}\text{x}$ $\text{o}\ddot{\text{v}}$, а некоторое другое, $\mu\acute{\text{h}}$ $\text{o}\ddot{\text{v}}$. И всегда, когда я не пуст и не подвластен вдохновению, когда одни явления наполняют меня, мало сказать, что я не существую, но много сказать, что существую, – я сам – $\mu\acute{\text{h}}$ ov . Обо мне мало сказать «мёртвый», но много сказать «живой».

Именно потому, что явления, которые я имею, нельзя считать сущими, я и отношу их к иному и желаю его.

8. Когда я представляю себе не дерево, а моё представление дерева, последнее уж не моё, уже не явление, а вещь в себе; предмет психологии – так же точно вещь в себе, как и предмет естествознания.

Я – мир явлений, космос – мир вещей в себе. Я – $\mu\acute{\text{h}}$ $\text{o}\ddot{\text{v}}$, космос – $\text{o}\ddot{\text{v}}$, сущее. Но вдохновение даёт мне сущее, при свете которого исчезают призраки $\mu\acute{\text{h}}$ $\text{o}\ddot{\text{v}}$:

то, о чём нельзя сказать «есть», сникает перед тем, что есть. Я весь тогда сущий и един с космосом. Меня соединят с ним и акт мысли, отчуждающий вовне моё представление, которое на мгновение становится и моим, и не моим, и явлением, и вещью в себе. Таким образом, в искусстве и философии я приобщаюсь к космосу.

9. Как и Шопенгауэр, я вижу основание страдания в желании и, следовательно, в том, что я – $\mu\acute{\eta}$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$: обо мне мало сказать «мёртвый», но много сказать «живой». Что может меня освободить от страдания? Одно из двух: абсолютная мёртвость – $\omicron\upsilon\chi$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$ или абсолютная жизнь. К первой ведёт отмирание моего $\mu\acute{\eta}$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$ – не утрата с сохранением представлений, а именно полное отмирание, когда мне нет уже до него никакого дела. Вторую даёт мне то, что я назвал вдохновением: я обретаю вещь целиком – сущую, живую, и перед нею сникает всё прочее во мне, и сам я становлюсь жив. Страдание – в разделении Мира на сущее и $\mu\acute{\eta}$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$, оно исчезает вместе с этим разделением.

Если за представлениями и данными экспериментов я перестаю полагать нечто иное, они сами становятся целостными вещами – из $\mu\acute{\eta}$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$ превращаются в сущие. Это не просто изменение воззрений, а коренное перерождение, без которого я никак не могу представление о дереве не относить к дереву или какие-либо философские представления к их предметам. Перерождение, о котором я говорю, возрождает меня к жизни и избавляет от страдания.

Такое возрождение совершается, например, при ярком воспоминании прошлого, утраченного безвозвратно. Мне не к чему относить тогда мои представления, и они приобретают самостоятельное существование. Я не говорю, что исчезают вещи в себе, которые за ними стояли, – сущее не может исчезнуть, – просто безвозвратная утрата есть разрешение уз, связывающих представления с их предметами, рассеяние призраков $\mu\acute{\eta}$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$.

10. Итак, когда я не думаю, что мои представления имеют отношение к действительности, они сами становятся действительностью и суть истинное знание, знание, тождественное своему предмету. Такова сказка, чистая логика и математика, такова философия, если я ни к чему не прилагаю её. Наоборот, всё прикладное не действительно и не истинно.

Первоначально всё было моим, точнее, я обнимал всё сущее и не отличался от Мира. Но вот я утратил всё, ставшее вещами в себе, и сохранил только представления, которые, как мне кажется, имеют к ним отношение. Из сущего я превратился в $\mu\acute{\eta}$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$. Отсюда следует, что во мне имеются представления всех вещей космоса и, открывая ранее неизвестное, я лишь вспоминаю то, что узнал в момент утраты всего и тут же забыл. Как известно, такой взгляд отвечает теории познания Платона.

Таким образом, я заключаю в себе $\mu\acute{\eta}$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$, отвечающее, по моему мнению, всему сущему; я – единое $\mu\acute{\eta}$ $\omicron\upsilon\grave{\nu}$, которое кажется соответствующим единому космосу. Я смотрю на себя как на микрокосм, являющийся изображением макрокосма.

Но в тот самый момент, когда я перестаю считать себя изображением, я сам становлюсь сущим – новым Миром. Как он относится к Миру, которым я был в начале, и можно ли говорить об этом отношении? Я оставляю этот вопрос открытым.

11. Любовь проходит четыре этапа. На первом я имею человека непосредственно, без всякого волевого усилия, благодаря тому, что названо мною вдохновением. Так как он дан мне целиком, у меня нет никаких желаний. Перед ним сникает всё прочее во мне – $\mu\eta\ \omicron\upsilon\prime\prime$ сникает перед сущим, – и я из не мёртвого и не живого становлюсь живым. И он – одно со мною.

Затем моя мысль исторгает его из меня, оставляя мне одно представление – $\mu\eta\ \omicron\upsilon\prime\prime$, он же делается вещью в себе. Ко мне возвращаются другие представления, и вот снова обо мне мало сказать «мёртвый», но много сказать «живой».

Утратив непосредственную данность этого человека, я стремлюсь вернуть её посредством воли. Теперь я желаю его и страдаю, ибо моё представление о нём – только $\mu\eta\ \omicron\upsilon\prime\prime$, а его сущего я потерял. Но если волевое усилие и даёт мне любимого человека, то лишь как явление, как то, что я имею в общении с ним, – опять-таки как $\mu\eta\ \omicron\upsilon\prime\prime$. Когда я замечаю это, начинается четвёртый этап: я желаю овладеть им сущим, но он ускользает от меня, и моё страдание возобновляется. Последний этап может завершиться отмиранием того $\mu\eta\ \omicron\upsilon\prime\prime$, которое я связываю с ним.

Но если я оторвал от него моё представление и ничего уже за последним не предполагаю, оно начинает жить самостоятельной жизнью, и я с ним вместе. Это не та жизнь, что на первом этапе, когда я жил тем человеком и не отличался от него. Теперь я живу оставшимся от него представлением, которое обрело самостоятельную жизнь. Может быть, оно теперь тождественно тому человеку и эта жизнь всё же совпадает с той? Я не знаю, можно ли рассматривать этот вопрос.

12. В этом рассуждении о любви на место слова «человек» можно поставить «море» или «дерево». Но человек отличается от всех вещей тем, что отношение к нему может быть совсем иным и обыкновенно бывает совсем иным.

За явлениями дерева я усматриваю нечто другое, но как ни стремлюсь завладеть им, оно остаётся вне меня. За являющимися мне поступками человека я также усматриваю другое, однако нахожу его в себе самом как мотивы этих поступков, как то, что и меня заставило бы поступать таким же образом. Я постигаю человека, когда его явления соединяются с их мотивами. Отсюда следует, что человек, которого я таким образом постиг, целиком оказывается во мне. До этого он дан мне лишь в явлениях – так же, как море или дерево.

В миг постижения я имею человека сущего и оттого сам существую – живу им. Это миг сопереживания, миг той любви, которая возможна лишь по отношению к человеку. Но я могу вытолкнуть его из себя, сохранив только

представление, некую его характеристику. После этого я могу стремиться подчинить его себе волей, чтобы извлечь какую-либо пользу, но, что бы я ни предпринимал, он сущий будет ускользать от меня, оставаться вещью в себе. И снова я не мёртв и не жив – я *μη οὐ*. «...Отвергло сие счастливое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным» (Достоевский).

Мотивы деятельности какого-либо человека, которые я нахожу в себе самом и благодаря которым постигаю его, называются объективными. В частности, объективны мотивы научных высказываний, ибо в принципе я всегда могу найти их в себе. Если же я наблюдаю деятельность, мотивов которой в себе не нахожу, последние носят названия субъективных. Такая деятельность не даёт мне возможности постичь человека. Ею может быть и художественное или философское творчество. Объективное ценно не само по себе, а потому, что даёт мне сущего человека, соединяет его и меня в одно. Сам сущий человек, которого я получаю, есть абсолютное.